

Микуленок Юлия Андреевна**Mikulenok Yulia Andreevna**

кандидат исторических наук,
старший преподаватель Северо-Кавказского
филиала Российского государственного
университета правосудия

PhD in History, Senior Lecturer,
North Caucasus branch of Russian
State University of Justice

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ПИСЬМАХ СТУДЕНТОВ «ВО ВЛАСТЬ» [1]

HOUSING PROBLEM IN THE EARLY SOVIET PERIOD IN STUDENTS' LETTERS TO THE AUTHORITIES [1]

Аннотация:

В статье с привлечением материалов писем «во власть» как важного исторического источника освещается проблема обеспечения жильем советских студентов в 1920-е гг. Показано, что первое десятилетие после установления советской власти – это период острого жилищного кризиса, когда на одного человека приходилось менее 10 квадратных метров не всегда соответствующей элементарным санитарным нормам жилой площади. Сильный жилищный голод испытывали и студенты, чья численность за первое десятилетие советской власти увеличилась почти в два раза по сравнению с дореволюционным временем. Выявлено, что студенты в своих заявлениях и письмах сетовали на дороговизну аренды жилых помещений, жилищный голод, конфликты с соседями и родственниками в муниципализированных домо-владениях и т. д.

Ключевые слова:

жилищный вопрос, жилищный кризис, НЭП, письма «во власть», студенчество.

Summary:

The study highlighted the housing problem faced by Soviet students in the 1920s based on their letters to the authorities. The research noted that people suffered an acute housing crisis in the first decade of Soviet power. The floor area per person was less than 10 square meters, and accommodations failed to meet the minimum health requirements. Severe housing shortage affected students as well since the number of students doubled in the first decade of Soviet power compared to the pre-revolutionary period. The study identified that students complained about the high cost of rented accommodation, housing shortage, and conflicts with neighbors and relatives in municipal households in their statements and letters to the authorities.

Keywords:

housing problem, housing crisis, New Economic Policy, letters to the authorities, students.

1920-е годы – это период жилищного кризиса, затронувшего всю Советскую Россию. В среднем на одного человека приходилось менее 8 кв. м жилой площади при санитарной норме в 10 кв. м. В Москве на душу населения приходилось 6,8 кв. м [2, с. 17], в Петрограде – 13, в Краснодаре – 6,7, в Магнитогорске – менее 3 кв. м [3, с. 414]. По санитарным нормам жилище должно быть сухим, светлым, просторным, теплым, чистым, обладать вполне доброкачественным воздухом. Однако нередко обыватели заселяли любые помещения, которые можно было использовать в качестве жилой площади: заброшенные здания, чердаки, заводы, конюшни и т. д.

Жилищный голод испытывало и советское студенчество, чья численность в 1920-е гг. увеличилась практически в два раза. В дореволюционной России в высшие учебные заведения могли поступить в основном выпускники гимназий и реальных училищ, тогда как после революции доступ в вузы был открыт для всех желающих [4, с. 195]. Более половины студентов страны обучались в университетах двух столиц, хотя в первое десятилетие после установления советской власти открываются вузы и в провинции. Так, в 1927–1928 гг. в стране насчитывалось 129 высших учебных заведений [5, с. 196].

Зачастую абитуриенты должны были уезжать в другие города или регионы, чтобы поступить в институты, где «дорогие квартиры, стол и т. д. и где бедному студенту приходится чрезвычайно туго» [6, л. 120]. В 1929/30 учебном году вузы Москвы приняли около 6 000 студентов, 75 % из которых нуждались в жилплощади [7]. Нередко студенты были вынуждены жить в сырых комнатах, за которые они платили 10–30 р. ежемесячно, недоедать и т. д. [8, л. 119–120 об.]. Более половины студентов не были удовлетворены своими жилищными условиями. Около 2 000 студентов в конце 1920-х гг. не имели вообще никакой жилой площади и потому ночевали на вокзалах, в вагонах, парках, библиотеках и аудиториях [9, с. 335]. Часть студентов арендовали жилые помещения в частном секторе недалеко от места учебы. Нередко одну комнату снимали несколько человек [10, с. 424], так как аренда жилья в частном секторе была очень дорогой. Так, студент I специальной школы пишет М.И. Калинину следующее (стиль документа сохранен

полностью): «Мы учимся в городе Муроме, от станции от нашего села Чаадаева на 12ти верстах. Ввиду далекого расстояния нам приходится снимать квартиру и платить 4 руб. в месяц. Даже не платили три месяца, и нету учебников, которые нужны для учения. Думаю, что вы, милый дедушка, в моей просьбе не откажете. В общем, положение мое очень плохое, бедственное. Начинаю писать свою просьбу. Я переговорил с одним доктором насчет учения на фельдшера, он мне сказал, что с практики выучиться на фельдшера можно. Я прошу, чтобы вы посодействовали в моей просьбе и послали меня учиться в больницу на фельдшера. В какой угодно город, только чтобы платили за квартиру и которые нужны книги по медицине, еще на <нрзб> хлеб. Можно и бесплатно в крайнем случае. Всего лучше бы поставили в городе Муроме в I сов[етскую] больницу» [11, л. 160–161 об.]. При этом качество арендуемого жилья оставляло желать лучшего. Так, студент Томского государственного университета, поселившийся в частном секторе, жаловался, что обитает вместе с курами, двумя собаками и хозяевами в одной комнате [12, с. 51].

Студенты, имевшие «правильное» социальное происхождение (лояльные к советской власти, крестьяне и рабочие), а также командированные, красноармейцы и рабфаковцы могли получить комнату в общежитии [13, с. 336]. Формально проживание в общежитии было бесплатным, однако у студентов удерживали часть стипендии на нужды общежития: оплату коммунальных услуг, ремонт и мелкие хозяйственные расходы [14, с. 94]. При этом отметим, что многие общежития не соответствовали принятым санитарным и гигиеническим нормам: имело место перенаселение, помещения не проветривались, не хватало уборных, в комнатах обитали насекомые (клопы, тараканы и блохи) [15, с. 337], недоставало мебели (один стол на всех, отсутствовали шкафчики), не работали канализация и водопровод.

В начале 1920-х гг. на всех студентов Томска имелось всего одно общежитие, которое могло вместить только 70 человек [16, с. 94]. В Саратове лишь 40 из 670 студентов было предоставлено место в общежитии. Общежитие Высшего художественно-технического института было переполнено почти в два раза – студенты спали на полу, так как всем не хватало кроватей и матрацев. Санитарные условия общежитий оставляли желать лучшего: грязь, сырость, насекомые и крысы: «В комнатах нас помещается человек по 15, хотя должно быть в два раза меньше. Первое время не хватало на всех коек и матрацев, спали на полу, простужались. Ночью жизнь в комнатах продолжают наши нелегальные жильцы – крысы. Пищат, лазят всюду, грызут, портят вещи, одним словом хозяйничают на все лады, как будто знают, что изживать их вовсе не собираются» [17]. Студенты МГУ жили в полуразрушенных комнатах без дверей. В общежитии не было уборной и электричества [18, с. 338].

Согласно данным А.Ю. Рожкова, около 60 % студентов жили в неудовлетворительных условиях, занимая холодные, сырые, темные и плохо отапливаемые помещения [19, с. 335]. Например, 80 % студентов Самарского сельскохозяйственного института не имели отдельной комнаты. Одна из студенток Донского сельскохозяйственного института жаловалась на свои жилищные условия: «Поступив в институт 20-го февр[аля] 1921 г. и живя в нетопленной и неосвещенной комнате, я не в состоянии была приступить к выполнению ТИПИТИТ-а [экзамнационный минимум, который необходимо было сдать при переходе на следующий курс] до наступления теплой погоды» [20, л. 15].

Не лучшими были условия проживания тех студентов, которые с семьей размещались в ЖАКТах (жилищно-арендных кооперативных товариществах). Пытаясь решить жилищный вопрос, советская власть стала проводить новую жилищную политику, одним из признаков которой стало появление дешевого муниципализованного сектора, состоявшего из конфискованных квадратных метров «бывших». После принятия 20 августа 1918 г. Декрета Президиума ВЦИК об отмене права частной собственности на недвижимость в городах началась политика выселения и ущемления. Весь муниципализованный жилищный фонд передавался жилищным товариществам, которые самостоятельно, ориентируясь на жилищные нормы и «хорошее», распределяли жилую площадь между своими членами.

Согласно жилищному законодательству, все жильцы дома, не лишённые избирательных прав и достигшие совершеннолетия, могли стать членами жилищно-арендных кооперативных товариществ [21, с. 76]. В ЖАКТах проживали и «бывшие», и представители интеллигенции, и рабочие и красноармейцы. В непосредственной близости друг с другом находились люди с абсолютно различными менталитетом, уровнем образования и социальным происхождением, поэтому в муниципализованных домовладениях постоянно имели место ссоры. Так, студенты Кубанского университета в Краснодаре жаловались на притеснения со стороны своих соседей. Студент московского рабфака говорил о притеснении со стороны «бывших» домовладельцев. Публикуем текст его жалобы с минимальными сокращениями и полным сохранением авторского стиля:

«Вот уже 2 года как мною было возбуждено дело относительно одного хозяйчика, “домовладельца”, который путем различных махинаций ухитрился обставить одного рабочего с 1ой

госконсервной ф[абри]ки, проработавшего там 20–25 лет и в настоящее время перешедшего на социальное страхование по старости лет. <...>

Началось все с 1919 года, когда в Краснодаре хозяевами положения являлись белые. Рабочий, о котором идет речь, Ефремов Д.С., проживал по Пашковской улице. Домовладелец в одно прекрасное время “предложил освободить квартиру”. Раздумывать было некогда жаловаться также было некому. Рабочий Ефремов напал на одного домовладельца, некоего Сила Анисимовича Омельченко (Здесь и далее выделено автором письма. – Ю. М.), который предложил ему отстроить себе квартиру в купленном им доме, но неотделанном.

Дом этот вместе с планом (Малиновский пер., 26) представлял из себя стены, потолок, крышу, а двор полнейший беспорядок. Как ни трудно было принимать эти условия, но иного выхода не было. Рабочий отделал три комнаты (приведены в жилой вид), привел двор в порядок, ну и перешел в таковые жить. За квартиру никогда не платил, так как на его сохранности в свою очередь лежала вторая половина дома, неотделанная. При отступлении белых в 1920 году много услий стоило Ефремову уберечь все от разрушения.

<...> С приходом Сов[етской] Власти в пустующие дома квартальный комитет при активном <нрзб> отдела была школа по ликвидации [безграмотно]сти. Школа кончила свое существование прекращением существования квартальных комитетов. [Домов]ладелец С.А. Омельченко (кажется, торговец Нового базара) в эти годы, как и в последующие, своего носа не показывал в этот дом, да оно и понятно было. <...> Годы шли, “домовладелец” Сил Анисимович Омельченко умер за это время, но все время, так же несмотря на жилищный кризис, вторая половина дома продолжала пустовать. В 1927 году, находясь уже в Москве на рабфаке, я получил из дома письмо, в котором мне писали, что дом продан. Продал его брат умершего Макар Анисимович Омельченко. Причем при продаже разыгралась такая вещь. Ефремов побежал в союз к юриконсулу посоветоваться, как, дескать, возможна такая вещь. Сам сделал, отделал, жил с 1919 года, а сейчас 1927 (когда было дело), платил ренту, и вдруг продает брат умершего. Там, конечно, толку не добиться, в коммунхозе так же, но все же пытался. Видя это, М.А. Омельченко, чтобы отделаться от рабочего, а также по всей вероятности, от коммунхоза, который в конце концов должен был обратить внимание на заявление Ефремова, предложил рабочему 500 рублей, беря с него расписку, что, дескать, претензий никаких не имеешь. Ну, Ефремов, видя, что ни в союзе, ни в коммунхозе толку не добьешься, соглашается на это. Причем в это время разыгрывается такая вещь: первый покупатель узнал, что с домом не ладно, отказывается от покупки. Но находится второй, и все же покупка совершена. Узнав все это из письма, я в 1927 г. пишу на имя Окружного прокурора заявление и протестую против всего этого, требуя, чтобы дом все же был передан в коммунхоз, так как продавать его, по моему мнению, не имели никакого права, прежде всего, потому что Ефремов многое сделал там, живя с 1919 по 1927, это во-первых, во-вторых, плата за строение и за ренту в течение этого времени говорит за то, что “домовладелец” не имел никакого отношения к нему. <...> Новому домовладельцу под шумок покупки дома удалось заполучить комнату, где жила мать. В ней мы жили с ней с 1920 г., правда, я мало, так как 3 года в Красной армии, потом учеба, но она до 1927 г. В общем, в результате всей этой волынки мать оказалась без квартиры и вынуждена обитать у родителей в их 2х комнатах, хотя у них самих семья порядочная. Вот уже в течение 1.1\2 года как я от нее получаю письма, в которых она пишет, что, придя с работы, работает санитаркой в больнице, особенно после ночного дежурства, нигде не находи[ла] себе пристанища для отдыха. Между тем как в ее комнате новый хозяйчик открыл сапожную мастерскую (для близира), так как у него, кроме этой комнаты отдел в пустующей части дома еще две, да плюс к этому имеет возможность отде[лать] ее остальные 2. Матери, конечно, он эту комнату не сдаст, хотя она и жила такое продолжительное время в ней. Не сдаст, потому что она невыгодный квартиронаниматель, так как всего получает всего 30 руб. в м[еся]ц. Новый хозяйчик, купивший дом за 4 500 или 5 000 рублей, представляет из себя кустаря-сапожника» [22, л. 299].

Жизнь в муниципализированном домовладении настолько изматывала жильцов психологически, что спровоцированный конфликт становился эффективным способом эмоциональной разрядки. Жилищный голод стал причиной «жилищных войн», которые выражались не только в скандалах, но и в доносах, попытках выжить друг друга и самозаселении свободных квадратных метров. Несмотря на то что советская власть объявила, что приоритет в заселении квартир отдается рабочим, именно эта социальная категория особо остро испытывала жилищный голод.

Дискуссии 1920-х гг., касающиеся жилищного вопроса, показали, что идеальным вариантом расселения партийные лидеры считали дом-коммуну, в котором бы жили люди с общими интересами, ресурсами и собственностью. Однако именно такая форма совместного существования стала источником конфликтов. В первое десятилетие советской власти в городской повседневности стало нормой, когда соседи выживали друг друга из занимаемых комнат или квартир. Постоянным явлением были ссоры, склоки, драки, вредительство (вешали на дверь отхожих мест замки,

вымазывали грязью белье). Неприязнь, недружественные чувства и ненависть стали доминирующими эмоциями обывателя, даже по отношению к своим родственникам. Так, слушатель Военной академии Красной армии И.А. Масленников требовал выселения брата, незаконно вселившегося в его квартиру (стиль документа сохранен): «Прошу принять решительные меры к выселению моего бр[ата] Константина Масленникова из занимаемой им моей комнаты в передней части дома, что в г. Муроме (Владим[ирской] губ[ернии]) по ул. А. Толстого, в д. 85. Бр[ат] Константин Масленников подлежит выселению из занимаемого дома <нрзб> всего на основании пункта а означенного декрета, ибо пребывание его там делает невозможным совместное с ним жительство прочих жильцов того же дома, что выразилось в нанесении побоев бр[атом] Константином моей матери, ныне умершей, и сестре Елизавете и что подтверждено рядом приговоров Муромского городского народного суда, уже накладывающего на бр[ата] Константина те или иные наказания.

Затем бр[ат] Константин подлежит выселению из означенной квартиры и на основании пункта б названного декрета, как вселившийся туда без соответствующего права и с нарушением декретов ВЦИК и Совнаркома о <нрзб> льготах для военнослужащих Красной армии, в том числе и для меня, лишив таким образом меня сносного помещения...» [23, л. 174].

В жалобе студенты используют традиционные для периода чисток слова-маркеры: «живущие своим трудом», «я являюсь участником на фронтах Гражданской войны», «нахожусь в критическом положении», «в интересах партии», «подвергались преследованиям», «все мы полны желанием отдать наши силы и знания на пользу Союза» и др., создавая тем самым антагонизм «мы – они». Обыватель рисует образ «правильного» советского студента, с одной стороны, и «бывшего» – с другой: «Это ясно из того, что каждый студент-белоручка с лучшей подготовкой поступил в вуз, во-первых, и несравненно лучше пролетарского студента обеспечен материально, во-вторых, а следовательно, он в силах и большее число экзаменов сдать, что и способствует ему оставаться в вузе.

Но это [в]се не говорит за то, что если белогвардеец за свои академические успехи останется в вузе, что он и с успехом будет работать в нашем сов[етском] строительстве; он никогда вследствие своих буржуазных убеждений не станет потом работать заодно с трудовым народом. Дорогой наш тов. Рыков, мы не должны забывать глубоких наших провинций, где нет ни общественников, ни специалистов. Деревня оторвана от всякой духовной и культурной жизни. Она давно жадно ждет от нас истинных работников, и туда необходимо влить целый кадр своего же пролетарского элемента, вышедшего оттуда же, посланного в школу от сохи, лучше, чем другие, знающего психологию крестьянина и все запросы деревни. Деревне необходимы общественники, агрономы и т. д., истинные, конечно, агрономы, которые сами вышли оттуда, деревня с твердой надеждой ждет от нас этого. Она послала в стены вуза своих детей, дабы те получили там знания, принесли их в свои деревни и от души разделили их среди деревенской темноты. В общем, истинным и полезным инж[енером] может быть тот, кто сам работал у станка, кто не чужд пролетарской идеологии, кто лучше, чем другие, знает психологию рабочего.

Лучшим агрономом может быть тот, кто пошел в школу от сохи, кто лучше других знает психологию крестьянина и все нужды деревни, и только таких агрономов ждет от нас деревня. Теперь как же деревня посмотрит на то, что тот тов[арищ], которого она посла в вуз и от которого ждет помощи, очутился за бортом по тем или иным ошибкам местных Поверочных Комиссий...» [24, л. 173].

Таким образом, в первое десятилетие после установления советской власти студенты столкнулись с рядом трудностей, одной из основных стал жилищный вопрос. Многие студенты были приезжими и потому были вынуждены арендовать дорогое и малоприспособленное для жизни жилье. Общежития не могли предоставить квадратные метры всем нуждающимся. На комнаты в них могли претендовать в основном студенты с «правильным» социальным происхождением. При этом отметим, что условия проживания во многих общежитиях не соответствовали установленным санитарно-гигиеническим нормам.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-09-00289а «Письма студентов "во власть" в Советской России 1920-х гг.: научная подготовка комментированного издания».
2. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. 303 с.
3. Макарова Н.Н. «Новый» человек на Магнитострое: повседневность и формирование советской идентичности // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / отв. ред. О.В. Горбачева, Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 408–418.
4. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. 633 с.
5. Там же. С. 196.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 62. Д. 3. Л. 120.
7. Петаченко Г.А. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х – начала 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. Вып. 5 / редкол. О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2010. С. 75–79. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4060/1/Петаченко_ГА.pdf (дата обращения: 06.06.2018).

8. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 62. Д. 3. Л. 119–120 об.
9. Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 335.
10. Амалиева Г. «Сочувствую РКП(б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...» Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 414–428.
11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 65. Д. 289. Л. 160–161 об.
12. Приведено по: Жилияков Д.В. Материально-бытовые проблемы студенчества сибирских вузов в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1 (60). С. 50–51.
13. Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 336.
14. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. Студенты медицинского факультета Томского государственного университета (1920–1930 гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 2. С. 91–98.
15. Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 337.
16. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. Указ. соч. С. 94.
17. Приведено по: Петаченко Г.А. Указ. соч.
18. Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 338.
19. Там же. С. 335.
20. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-51. Оп. 2. Д. 51. Л. 15.
21. Жилищное законодательство. Сборник декретов, распоряжений и инструкций с комментариями / сост. Д.И. Шейнис. М., 1926.
22. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 172. Л. 299.
23. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 7. Л. 174.
24. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 726. Л. 173.

References:

- Amalieva, G 2007, "I Sympathize with the Russian Communist Party (Bolsheviks) since It's Provided Me with an Opportunity to Study at a Higher Educational Establishment..." Social Support and Control over the Students of Kazan University Students in the 1920s', in PV Romanov & ER Yarskaya-Smirnova (eds), *Soviet Social Policy of the 1920s-1930s: Ideology and Everyday Life*, Moscow, pp. 414-428, (in Russian).
- Makarova, NN 2018, 'The "New" People on the Magnitostroy: Everyday Life and the Formation of Soviet Identity', in OV Gorbacheva & LN Mazur (eds), *Soviet Project. 1917-1930s: Stages and Mechanisms of Implementation*, Ekaterinburg, pp. 408-418, (in Russian).
- Meerovich, MG 2008, *Punishment with Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People (1917-1937)*, Moscow, 303 p., (in Russian).
- Nekrylov, SA, Fominykh, SF & Shandala, DE 2014, 'Medical Students of Tomsk State University (1920-1930)', *Sibirskij meditsinskij zhurnal*, vol. 29, no. 2, pp. 91-98, (in Russian).
- Petachenko, GA 2010, 'Life of Soviet Students on the Pages of Youth Publications of the 1920s – early 1930s', in OA Yanovskij (ed.), *Russian and Slavic Studies: Collection of Scientific Articles*, Minsk, pp. 75-79, viewed 06 June 2018, <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4060/1/Петаченко_Г.А.pdf>, (in Russian).
- Rozhkov, AYU 2014, *In the Circle of Peers. The Life-World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920-ies*, Moscow, 633 p., (in Russian).
- Sheynis, DI (comp.) 1926, *Housing Legislation. Collection of Decrees, Orders and Instructions with Comments*, Moscow, (in Russian).
- Zhilyakov, DV 2008, 'Household and Material Problems of Students in Siberian Universities in 1920s', *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-1 (60), pp. 50-51, (in Russian).